

ШОС после Бишкекского саммита 2026 года

Комментарий Центра АРВАК, 11.09.2026

Аннотация

Комментарий Центра АРВАК посвящен итогам Бишкекского саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и оценке ее дальнейших перспектив. Рассматриваются ключевые послы Бишкекской декларации, а также системные проблемы организации, включая отсутствие прогресса по созданию Банка развития и независимой платежной системы из-за санкционных рисков со стороны США, а также фактическую приостановку процесса расширения ШОС. В центре внимания – несовпадение геополитических интересов России и Китая на фоне доминирования иранской повестки над украинской в регламенте саммита. Особый акцент сделан на стратегии США, направленной на размывание структуры ШОС за счет ее чрезмерного расширения и поощрения альтернативных региональных альянсов. Детально анализируются деструктивное влияние китайско-индийских противоречий вокруг проекта «Один пояс, один путь» и долгосрочная позиция Пекина, основанная на «Шанхайском духе» и стратегическом терпении.

Ключевые слова: ШОС, Бишкекский саммит, Бишкекская декларация, многополярность, Банк развития ШОС, экономическая интеграция, иранский кризис, конфликт на Украине, геополитическая стратегия Китая, позиция США в Евразии, индийско-китайские противоречия, «Шанхайский дух».

1. Бишкекский саммит: декларация многополярности и новые векторы интеграции

31.08.2026 в Бишкеке стартовал 26-й саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На мероприятии присутствовали политические лидеры и делегации из более чем 20 евразийских стран – государств-членов организации, «партнеров по диалогу» и «наблюдателей». В ходе работы саммита было подписано около 3-х десятков итоговых документов, включая ключевую «Бишкекскую декларацию к 25-летию организации», в которой были «*зафиксированы позиции стран по формированию многополярного мира*» и декларирована важная роль ШОС как одного из наиболее влиятельных политических и экономических центров глобального миропорядка.

Документ включил в себя 4 основных послы.

1. Подписанты выступили против односторонних принудительных мер, противоречащих Уставу ООН и другим нормам международного права, а также правилам и принципом ВТО.

2. Выразили позицию о необходимости дальнейшего реформирования и совершенствования системы глобального экономического управления.

3. Осудили военные удары по Ирану, подтвердили поддержку его суверенитета и территориальной целостности.

4. Подтвердили ранее задекларированные принципы о том, что ШОС не является военно-политическим альянсом.

Другие документы, подписанные на полях саммита, касались взаимодействия в сферах энергетики, логистики и морских коммуникаций, создания региональных центров обработки данных, согласования условий безопасного использования ИИ, а также усиления борьбы с терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком и киберпреступностью.

2. Институциональные тупики: Банк развития и кризис расширения ШОС

В целом объем достигнутых договоренностей и согласованных графиков дальнейшего взаимодействия в рамках ШОС весьма внушителен. Вместе с тем эксперты, преимущественно российские, обращают внимание на то, что итоги Бишкекского саммита не внесли ясности в ключевые концептуальные вопросы, определяющие содержательную перспективу организации. В частности, нерешенной остается проблема формирования *Банка развития* и независимой платежной системы ШОС, решение о создании которых зафиксировано в декларации Тяньцзиньского саммита прошлого года. Отсутствие предметного обсуждения данной тематики в Бишкеке свидетельствует об отсутствии ощутимого прогресса в этом направлении, что, вероятнее всего, обусловлено рисками, связанными с жестким санкционным режимом США в Евразийском регионе. Аналитики проводят параллели с регрессивным опытом *Нового банка развития* БРИКС, учрежденного для нивелирования финансового доминирования США, однако ныне ограниченного в возможности финансировать проекты в России и Иране из-за угрозы применения вторичных санкций Запада.

Другой значимой проблемой стал факт приостановки процесса расширения ШОС после высокой активности в этой области в прежние годы. Предполагалось, что после утвержденной на Тяньцзиньском саммите в сентябре 2025 г. упрощенной процедуры принятия в ШОС новых членов «*страны-партнеры*» и «*страны-наблюдатели*» немедленно обратятся с заявлениями на полноценное участие в организации, однако за прошедший год ни одной такой инициативы зафиксировано не было. По мнению аналитиков, на практике принятие новых государств в основной состав ШОС, скорее всего, будет «оставаться на паузе» в связи с внутренними преобразованиями в организации. Вместе с тем они указывают на то обстоятельство, что некоторые потенциальные страны-кандидаты на членство начали с большой осторожностью относиться к идее присоединения ввиду нежелания работать в единой системе с враждебно настроенными государствами. В частности, приводится пример 5-и арабских монархий Персидского залива, имеющих статус партнеров ШОС, но пока отказывающихся вступать в организацию из-за Ирана, который стал ее полноценным членом еще в 2023 г.

3. «Ревность» и приоритеты: иранский кейс и украинский вопрос

Вместе с тем российские экспертные круги выражают обеспокоенность тем обстоятельством, что вопрос Украины не стал одной из центральных тем публичных обсуждений в Бишкеке и не был зафиксирован в итоговой декларации, в чем они упрекают Китай, руководство которого, по-видимому, табуировало данную повестку и вывело ее из регламента. Возможно, в России отнеслись бы к этому с большим пониманием, если бы иранский вопрос не был возведен в ранг практически главной задачи саммита. Для Москвы значимость двух направлений западного военно-политического давления в Евразии – Восточной Европы и Ближнего Востока – как минимум равноценна, и поэтому российские аналитики отнеслись к сугубо иранской повестке саммита с некоторой долей ревности. Тем не менее глава РФ В. Путин инициировал активное обсуждение украинской темы в ходе двусторонних встреч на полях саммита с главами наиболее значимых стран-членов и государств-кандидатов объединения ШОС.

Американские аналитики также обратили внимание на данный фактор, заключив, что Пекин, фактически занимающий лидирующие позиции в ШОС, продемонстрировал приоритетность иранской проблематики и деэскалации в регионе Персидского залива, от устойчивости которого непосредственно зависит стабильность китайской экономики. В экспертном сообществе США отмечается, что затяжной конфликт на Украине в некоторой степени отвечает интересам КНР, так как приводит к истощению оборонных ресурсов Запада и одновременно усиливает зависимость России от китайского высокотехнологичного военно-промышленного комплекса, импорта широкого спектра товаров и финансового кредитования. В то же время эскалация вокруг Ирана существенно ущемляет стратегические интересы Пекина, провоцируя систематические сбои в импорте энергоресурсов из Ирана и Саудовской Аравии, а также резкие колебания котировок на фьючерсных рынках. На этом фоне руководство КНР сосредоточило внимание на иранском кризисе, сделав его одним из ключевых вопросов Бишкекского саммита с целью формирования дополнительного рычага дипломатического давления на США посредством механизмов дискуссий и итоговой декларации ШОС.

4. Вашингтонский расчет: стратегия сдерживания через разбалансировку структуры

В целом реакция Вашингтона на прошедший саммит ШОС отличается сдержанностью: несмотря на критику американского курса в отношении Ирана, прозвучавшую в Бишкеке, США не выражают серьезного беспокойства. В Америке полагают, что организация по-прежнему представляет собой объединение, завязанное на конъюнктурных и ситуативных интересах участников, и не имеет потенциала стать монолитным блоком.

Формирование «Шанхайского клуба» в начале 2000-х гг. изначально рассматривалось Соединенными Штатами как вектор, способный предложить Евразии альтернативную систему безопасности и геоэкономического развития, подрывающую доминирование доллара и позиции США на континенте. Данные опасения заметно возросли на фоне военной кампании США в Ираке и Афганистане, а также череды цветных революций на постсоветском пространстве. Эти события подтолкнули государства Ближнего Востока и Центральной Азии к активному сближению с ШОС. По мере того как активность Вашингтона на дуге от Балкан до Юго-Восточной Азии становилась более жесткой, географический охват и состав организации стремительно увеличивались. Для США ключевой задачей стало недопущение трансформации количественного роста ШОС в качественно новую геоэкономическую структуру и глобальный центр силы, способный оспорить американское господство в Восточном полушарии.

В связи с этим существует точка зрения, что Соединенным Штатам было выгодно не планомерное укрепление ШОС Китаем и Россией с тщательным отбором участников, а ее стремительное расширение. Это превращало «Шанхайский клуб» в разбалансированное и громоздкое объединение, заведомо неспособное выработать внутреннее единство и обреченное на преодоление глубоких внутренних противоречий. В рамках своей евразийской стратегии Вашингтон умело задействовал этот фактор, создавая предпосылки – а порой и подталкивая традиционных партнеров (включая Индию и Пакистан) – к

вступлению в ШОС. Подобный подход утяжелял структуру, размывал лидирующие позиции Пекина и Москвы и закладывал почву для центробежных тенденций.

До последнего времени США придерживались политики терпимости к расширению оси, формируемой их главными соперниками. Этим объясняется нейтральная позиция Вашингтона относительно начала процедур присоединения к ШОС Турции, Саудовской Аравии и других ближневосточных союзников. Расширяя географию организации вплоть до зоны своих стратегических интересов в Передней Азии, США рассчитывали получить дополнительные рычаги воздействия на внутренние процессы в ШОС, вплоть до возможности при необходимости спровоцировать распад структуры.

Параллельно особый интерес вызывает появление в самом центре пространства ШОС разнонаправленных альянсов, таких как Организация тюркских государств (ОТГ) и так называемое «Суннитское НАТО» (Турция, Пакистан, Саудовская Аравия). Возможно, в этих процессах также имело место американское вмешательство. Очевидно, такая стратегия представляется наиболее эффективным методом сдерживания трансформации ШОС из геоэкономического интеграционного проекта, каким она себя позиционирует, в военно-политическую платформу, претендующую, как опасаются в Вашингтоне, на гегемонию в новом миропорядке.

5. Внутренние трения: индийский бойкот и тупик оборонной консолидации

Американские аналитики прямо подчеркивают, что фундаментальные разногласия между Пакистаном и Индией, Индией и Китаем, а также Китаем и Россией существенно подрывают централизацию, устойчивость и эффективность функционирования ШОС. Ситуацию усложняет и стремление Турции получить статус постоянного члена – Анкара преследует собственную геополитическую повестку и имеет трения со многими участниками и наблюдателями организации. Так, например, вместе с вступлением Тегерана в организацию в пространство ШОС перешла ирано-арабская конфронтационная проблематика.

25-летняя история «Шанхайского клуба» наглядно демонстрирует, что ШОС не превратилась в эффективную платформу для разрешения глобальных разногласий, хотя это и декларировалось при ее создании. Напротив, по мере расширения организации существующие проблемы и противоречия лишь накапливаются и систематизируются. За время работы объединения не удалось конструктивно урегулировать ни один фундаментальный конфликт, включая наиболее критические для Пекина вопросы, разрешение которых жизненно необходимо для продвижения китайского влияния в Евразийском регионе.

Ярким подтверждением этой тенденции выступает систематический демарш Нью-Дели в отношении китайской концепции «Один пояс, один путь»: Индия бойкотирует данную инициативу и отказывается от совместной работы над ней в рамках ШОС. Индийская сторона открыто аргументирует свою позицию угрозой национальному суверенитету, поскольку ключевой китайско-пакистанский маршрут проходит через спорный регион Гилгит-Балтистан в Кашмире. Аналитики также отмечают, что Нью-Дели целенаправленно противодействует торгово-экономическому проекту Пекина,

отдавая приоритет альтернативным трансконтинентальным магистралям – коридору «Север–Юг» и маршруту ИМЕС. Поскольку инициативу «Один пояс, один путь» негласно расценивают как несущую основу и главный стержень ШОС, непримиримая позиция Индии создает фундаментальный вызов для устойчивости всей структуры.

Накопившийся комплекс внутренних противоречий внутри ШОС заметно снизил уровень обеспокоенности в Вашингтоне. С одной стороны, китайскому юаню пока так и не удалось потеснить американский доллар на азиатских рынках, вопреки ранее озвученным прогнозам. С другой стороны, хаотичный процесс расширения структуры привел к тому, что Северная Корея – осторожный участник в сфере корпоративной геополитики – потеряла к ней интерес, что стало позитивным сигналом для США. Изначально в Вашингтоне опасались, что ШОС способна преобразоваться в жесткий антизападный ядерный блок формата «3+1», состоящий из России, Китая, КНДР и технологически близкого к созданию ядерного оружия Ирана. Такой альянс сформировал бы решающее превосходство, позволяющее кардинально пересмотреть архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на западе Индийского океана. Тем не менее актуальные стратегические оценки американских аналитиков пока расценивают подобную перспективу как маловероятную.

6. Долгосрочная ставка Пекина на «Шанхайский дух» в условиях американского давления

Со своей стороны Китай в свойственной ему спокойной манере продолжает демонстрировать уверенность относительно перспектив «Шанхайского клуба» стран. Китайские эксперты считают 25-й саммит ШОС знаменательной вехой в генезисе организации, поскольку, с их точки зрения, организация в очередной раз доказала, что основана на взаимной выгоде и взаимном доверии, равноправии, диалоге, многообразии культур и уважении интересов всех стран-членов, вне зависимости от их размера и мощи. Все это позволяет ШОС уверенно двигаться вперед даже в условиях *«беспрецедентной агрессивизации глобальных сил, ратующих за сохранение однополярной системы мироустройства»*. Подобные выводы отвечают идеологическо-пропагандистскому дискурсу Пекина и опираются на тезисы главы МИД КНР Ван И по результатам кыргызстанского саммита, где он вновь акцентировал *«триумфальное проявление “Шанхайского духа”*». Глава внешнеполитического ведомства КНР дает понять, что ситуативные и эпизодические проблемы принципиально не могут остановить процесс *«собирания азиатского наследия постколониальной эпохи»*, запрограммированный на долгосрочную перспективу и заряженный стратегическим терпением.

Китай, как никакая другая страна в мире, по мнению экспертов, обладает этим *«терпением»* и, по крайней мере, внешне демонстрирует абсолютную уверенность в успехе инициатив, выдвинутых на платформе ШОС. Вопрос в том, согласятся ли США и далее терпеть неспешный ритм и динамику формирования ШОС, как это делали в последние годы, игнорируя опасность «Шанхайской инициативы», или все же именно в этой неспешности увидят самую большую угрозу для своих позиций в Азии и в мире в целом.